

ПОД КРЫЛОМ ЁЛЯ

рассказ

Рыночную площадь Торна вывернуло наизнанку.

Бульжники разметало, как хлебные крошки, и они валялись вперемешку с покорёженными остовами телег, сплюснутыми колёсами, обломками утвари и месивом из съестных припасов. То тут, то там адели плодами кайю изуродованные тела: на них пятнами налипла мука, мякоть овощей, зёрна какой-то крупы.

Недавний пир Ёля.

Йорга перешагнула мертвеца, сапог задел когтистую лапу. Девушка окинула взглядом когда-то бойкую площадь, теперь – кладбище.

Предупреждая об опасности, рыкнул за спиной Тень, крупный пёс с густой серой шерстью.

– Жди здесь!

Пес неодобрительно посмотрел на хозяйку. Но делать нечего, приказ есть приказ. Он сел у кромки разлома, наострил уши.

Йорга стиснула рукоять ножа, ногти врезались в ладонь.

Она ходила между трупами, изучая мертвецов. Задержалась у последнего, тело бедняги изменилось до неузнаваемости: на изуродованном лице выступил птичий клюв, позвоночник неестественно изогнулся, вместо локтя торчали обломки кости, а на плечах топорщились перья. Метаморфозы проходили стремительно – прорывая плоть и ломая кости, из человеческого тела прорастало птичье. Глаза мертвецов блестели страхом и болью, и оттого казалось, что они никак не могли умереть до конца. Братья ловчие говорили, что человеку не под силу пережить превращение, да и Йорга таких не знала.

Она была готова к этому – боль, искорёженное тело – всё будет после. Она не успокоится, пока не наступит Ёля! Чтобы метнуть нож, хватит пары мгновений...

Лас попал под крыло Ёля в полную луну месяца гроз. С башни ловчих Йорга увидела вдали похожую на птицу чёрную кляксу, та стремительно приближалась к городским стенам. Рваное пятно – прореха в безоблачном небе – зависло над покрытыми дёрном крышами, выплонуло веретено урагана. Оно росло и росло, сжирая всё на своём пути – дома, людей, скот, деревья...

Присыпанный дерном, Лас лежал на груде обломков и, казалось, улыбался. Йорга трясла его за плечи, била по щекам, кричала... Её нашли братья ловчие, на руках отнесли в башню. Разглядывая белёный потолок кельи и перебирая обрывки воспоминаний, Йорга вдруг поняла, что Лас сумел сохранить человеческий облик – ни клюва, ни когтей, ни птичьего хребта! Особая милость Ёля или проклятие? Хотя, какая, в сущности, разница...

Девушка накрыла лицо мертвеца обрывком рубахи – как делала со всеми – чтобы по-своему почтить погибших.

Завидев Йоргу, пёс поддел носом её ладонь, вильнул хвостом и затрусил рядом.

Она шла по знакомым улицам и видела их будто впервые. Деревья кайю, прозванные гнёздами Ёля, – невысокие с белёсыми пушистыми, будто оперёнными, ветками – засеяли каждый дюйм земли. Пробивая мощёные дороги богатых кварталов, вылезая из пыли, луж и помоев окраин, они буйно разрослись по всему Торну. Бурые сморщенные плоды напоминали запекшиеся сгустки крови, и разило от них так же тошнотворно.

Засилье кайю – нехороший знак, скоро война доберется и сюда. До недавнего времени северный Торн неплохо держался. Но вспыхнувшие на юге междоусобицы, точно мор, разоряли город за городом. Графы-наместники дрались за земли, и обезумевшие люди вслед за ними готовы были перегрызть друг друга глотки. Они все стали вечными беженцами – в прохудившемся платье и с такой же прохудившейся бесприютной душой.

Она остановилась у ворот башни, постучалась условленным кодом. Привратник открыл окошко, встретился с хмурым взглядом Йорги. Лязгнув засов, и девушка переступила порог.

Во дворе царила сумятица: братья стаскивали вниз вещи, связывали их в пакки и грузили тюки на повозки. Тень поднял морду и принялась нюхать воздух. Фыркнул, оглянулся на Йоргу.

– Знаю, – коротко сказала она. – Он придёт ещё раз. Сегодня.

Завидев Йоргу, невысокий мужчина с вытянутым лицом и острым носом направился к ней.

– Ёль явится очень скоро. Собирайся, Йорга! – Мужчина подтолкнул девушку к окованной железом двери.

Йорга не шелохнулась.

– Я останусь, настоятель Ове.

Ове ответил ей колючим взглядом, недовольно поджал губы.

– Ты ведь помнишь, что случилось с Ласом? Живой отсюда не выйдешь.

Имя ловчего отозвалось болью в груди. Но Йорга не подала виду, выдержала взгляд Ове, и тот, будто признавая за ней право на бестолковую смерть, всё-таки отступил.

– Позаботьтесь о нём! – она махнула на ощерившегося Теня. Пёс переводил настороженный взгляд с Йорги на Ове, снова на Йоргу и тихо рычал.

Ове кивнул, подошёл к Теню, тот оглушительно залаял. Настоятель вздрогнул и сквозь зубы произнёс:

– Я не притронусь к твоей собаке...

Йорга присела на корточки, погладила Теня по загривку. Упираясь всеми четырьмя, тот всё-таки дал подвести себя к повозке. Девушка устроила его между мешками с пожитками, и пёс нехотя повиновался. Проводил хозяйку долгим взглядом...

Скрипнули петли двери. Йорга осталась в башне одна.

Этаж за этажом винтовая лестница накручивалась на ось башни. Йорга миновала дверь в погреб, прошла помещение для гостей и паломников, поднялась на второй этаж кухни и трапезной, ещё выше: мастерские, кельи братьев и настоятеля, зал собраний, библиотека...

Стропила чердачной крыши были увешаны пучками трав, из которых братья делали лечебные настойки и яды. Йорга глянула на красно-синие соцветия паты. Было дело, она еле выкарабкалась: три дня валялась без памяти, пока тело боролось с ядом. С патьей нужна предельная осторожность – стоит нарушить меру, и человек уже не очнётся...

Йорга выбралась на террасу крыши, прошлась вдоль балюстрады по круту. Рука невольно потянулась к поясу. Небо было обложено кляксами, и все они ползли к башне ловчих.

А ведь братья подозрительно легко отказались от борьбы, подумала Йорга, никто не вызвался её поддержать, и даже настоятель, который везде совал свой длинный нос, не стал отговаривать. Конечно, Йорга бы не приняла помощь, это её сражение! Но вот так бежать, как последние труссы...

Испокон веков братство ловчих противостояло Ёлю. Легенды рассказывали об этом на разные лады, но все они сводились к одному: людям явится вестник последнего сражения, и тогда, если самый слабый ловчий победит Ёля в поединке, птица горя наконец уступит место Кануку, птице благоденствия. Братья положили все силы на воспитание учеников – чтобы даже слабые стали сильными. Но легенды оставались легендами, а смутные времена уносили жизни. Первый раз Йорга увидела пришествие Ёля ещё девочкой. С тех пор он всё чаще навевался к людям.

Она играет ножом, лезвие мелькает, как крылья бабочки. Йорга подбрасывает нож, ловит зубами рукоять, достаёт из-за спины шляпу, насаживает её на острие. Шляпа вертится волчком. На площади города Сжилле собралось немало зевак – все пришли посмотреть на ловкого мальчишку. Шутливый поклон, шляпа падает тульёй вниз, нож уже заткнут за пояс штанов. Юбок Йорга не носит, девчонкам не место на дорогах. Да и время беспокойное, на юге война, оттуда приходят исхудалые страшные беженцы, отряды наемников шастанут из города в город.

Йорга частенько ночует в лесу, высьтаясь по несколько дней. Ей снятся крылья Ёля и убегающие люди. Она долго отходит после этих снов и отмывает в ручьях запачканные руки...

В шляпу летят монетки. Йорга довольно хмыкает – на хлеб и сыр хватит! Завтра она запрывает в чью-то повозку, будет новый город, новое представление. На неё поглядывает парень, нос с горбинкой похож на клюв, в глазах – пасмурное небо, на поясе – большое перо. Йорга хочет спросить, что это за перо, но её отвлекает возня неподалёку. Трое школяров каждый к себе дёргают щенка. Наконец самый рослый и крикливый перетягивает верёвку, петля впиивается собаке в шею, тьяканье переходит в хрип. Мальчишки гогочут, задние лапы щенка отрываются от земли, он вот-вот задохнётся.

В мгновение ока Йорга выхватывает нож – и обрывок верёвки остаётся в руках верзилы. Щенок неуклюже плюхается на землю, мотает мордой, скулит. Йорга подхватывает его на руки, прижимает к себе. Чувствует как бешено колотится собачье сердце – от страха. И её собственное – от гнева. Школяры наступают, и Йорга пятится. Драться она не умеет, да и соперники на две головы выше. А убежать не успеет. Можно воспользоваться ножом, но Йорга не хочет убивать.

Краем глаза она видит, как парень с пером на поясе пробивается к ней сквозь толпу зевак. Но верзила-школяр опережает незнакомца, он хватается Йоргу за ворот куртки, изношенная ткань бедняцкой одежды трещит. Руки девочки заняты — она крепко держит щенка. Тот дрожит и прячет морду ей подмышку.

Верзила ухмыляется, кивает другому школяру, и мальчишка тянется за собакой. От отчаяния Йорга кричит. Крик разбивает лобскую разноголосицу, лица школяров искажаются ужасом, но Йорга здесь ни при чём. Школяры смотрят куда-то за её спину. Хватка разжимается, и, забыв шляпу, Йорга бежит прочь. Она перепрыгивает канавы, протискивается сквозь узкие переулочки — по ступенькам вверх. Переводит дыхание, оглядывается. Отсюда площадь славного города Сжилле видна как на ладони.

Йорга смотрит и не верит глазам. Там, где только что толпились зеваки, небо рвёт чёрным смерчем.

— Клянусь ребром Канука, это же Ёль!.. — за спиной вырастает парень с пером на поясе.

Он пытается остановить Йоргу, но девочка снова несётся на площадь... Она находит школяров, вернее, их тела. Вывернутые судорогой птичьего превращения, они преследуют Йоргу в снах. Она не желала для них такой участи...

Йорга вцепилась в перила, побелели костяшки пальцев. В лицо ударили первые порывы ветра — Ёль подлетал всё ближе. Небо над башней ловчих загустело смолой, в воздухе проступила сероватая взвесь — капли упали на террасу, и камень миг покрылся оспинами. Йорга почувствовала на руке влагу и сразу жжение: капля зашипела, разъедая ранку...

Йорга злится на Ааса... Тень, уже годовалый пёс, переминается с ноги на ногу у порога, и ей тоже хочется на волю. Она привыкла к свободе и ветру, а тут — пустая келья да мрачный двор без единой травинки. Братья не жалуют деревья кайю, поэтому вблизи башни нет ни сада, ни даже захудалого цветника — чтобы, не приведи Канук, они не засеялись сами. По правде, Йорга могла бы давно сбежать — её ножик откроет любой замок, и однажды она уже проделала этот трюк. Дошла до городской стены и вернулась. Не за похлёбкой, не за сухой кельей и тёплым шерстяным плащом. За чем-то другим. Она пока сама не поняла, за чем.

Аас учит её грамоте, через каждое слово поминая ребро Канука. Зря он ругается. Йорга уже сносно читает летописи братства и пробует переписывать их на пергаменте. Теперь она много знает о Ёле. Птица горя всегда появляется в смутные времена. Эпоха Ёля, чёрного ворона, длится, пока людям есть, что оплакивать. За нею наступает эпоха Канука, белого орла. Эпохи не накладываются друг на друга, и смена, если ловчий выигрывает битву, происходит резко, в один миг, подобно тому, как тела несчастных превращаются в птички... Аас посмеивается над ней, говорит, если она не будет прилежной, то никогда не победит Ёля. Йорга фыркает — не собирается она ни с кем драться! Но всё-таки старается — ради Ааса. Ей хочется, чтобы он гордился ею.

По вечерам девочка учит ловчего метать нож. Аас всё время мажет, шепчет под нос ругательства, но это не помогает — нож всё равно летит мимо набитого соломой мешка. И Йорга с плохо скрываемым удовольствием показывает наставнику, как держать рукоять, целиться...

Завтра её с другими воспитанниками будут гонять по внутреннему двору до упаду, учить драться на палках, вруконашную... Аас рассказывает про яды, Йорга морщится, но слушает. «Ты привыкнешь к ним, — говорит наставник, — помучаешься первые месяцы, когда братья начнут понемногу добавлять настои в пищу, потом и не заметишь. Ловчему нужен закалённый ум, дух и тело. Только тогда выступишь против Ёля».

Ветер усилился так, что Йоргу начало мотать по террасе из стороны в сторону. Рядом кружили похожие на перья листья кайю, разнося удушливый запах. Братья всё-таки не усмотрели, ростки пробилась сквозь плиты двора и, карабкаясь по стенам башни, потянулись к небу...

На шинь саваном опустилась чернота. Вот оно, крыло Ёля!

Девушка запрокинула голову:

— Чего ты ждешь?!

Сквозь вой ветра пробился собачий лай.

Тень!

Йорга метнулась к чердаку, распахнула дверь. Пес выскочил навстречу, едва не сбив её с ног; Йорга опустилась на колено, обняла Теня, запустила руки в густую шерсть. Пальцы наткнулись на свежие раны.

— Уходи, нельзя здесь оставаться!

Тень мотнул мордой, тихо рыкнул — ни за что, хозяйка!

Девушка приоткрыла дверь, выглянула — теперь уже не капли, струи грязного, смешанного с мусором дождя хлестали по террасе. Под таким дождём пёс точно погибнет.

Ветер завывал тут же, словно обезумев, тонко засвистел. Башня ходила ходуном — казалось, Ёль хочет сбить её своими крыльями.

Сперва надо спрятать Теня, а потом они поговорят с вороном!

Пёс вильнул хвостом, громко залаял и подбежал к лестнице.

– Наконец ты образумился. Спускаемся!

Йорга едва успевала за Тенем. Лестницу качало, как последнего забуддыгу, и чтобы не упасть, приходилось всё время хвататься за перила. Стонали от натуги стены, крошились вековые камни, трещали балки перекрытий. Пёс то и дело оглядывался, проверяя, не потерялась ли Йорга. На третьем этаже Тень остановился, поднял нос, принохиваясь, и побежал к кельям.

– Нет! Вниз, Тень!

Йорга хотела было ухватить пса за шкуру, но тот оказался проворнее. Он проскочил мимо её кельи, на миг задержался у кельи Ласа и шмыгнул в приоткрытую дверь покоев настоятеля Ове. Девушка – за ним. Она настигла Теня, с трудом оттащила его от сундука настоятеля. Тот однако успел ухватить чёрное перо. Положил у ног Йорги, ткнул носом в ладонь хозяйки.

– Хочешь, чтобы я посмотрела? Не понимаю...

Крошка с потолка посыпалась на голову. Поморщившись, Йорга подобрала перо. Похожее всегда носил на поясе Лас. Странный запах. Она лизнула оперение. Тёрпкий горький вкус... Патья!? И только сейчас Йорга обратила внимание на знакомую проплешину в оперении...

Она не отрываясь смотрит на Ласа. Костер догорел, тлеет запертый в углях, укрощённый огонь. И не в пример потухшему костру небо изнутри поджигает рассвет. Подперев тёплым боком спину, спит, положив морду на лапы, Тень. Лас сидит влоботорота: у него чуть удлинённые глаза, отчего кажется, что ловчий всегда посмеивается. Сегодня хмарь ушла из них, и глаза стали почти прозрачными. Йорга может изучать его лицо бесконечно. Ей пятнадцать и она влюблена...

Лас не делает ей поблажек: пусть Йорга единственная девушка в братстве, но испытания проходит наравне с парнями. Наставник посвящает ей почти всё своё время. В братстве шушукуются, настоятель Ове косо поглядывает на них, но помалкивает. Йорга вздыхает, жаль, подозрения неоправданы – всё это лишь учения.

Сегодня они ночуют в Вороновом лесу недалеко от Торна. Угрюмое, недоброе место. Лас заводит учеников в чащобу, где ветви кайю сплетаются в глухую стену, и внезапно исчезает. Волна страха сменяется дикой злостью – вышкваленные сдержанные ученики бросаются друг на друга! Отбивая удары обезумевших товарищей, Йорга ищет лазейку. Не мог же Лас испариться! С каждым новым кругом, проделанным вдоль живой стены, Йоргу всё больше подмывает ввязаться в драку, она слышит звериные вопли товарищей, ненависть набуждает в ней, как нарыв. Девушка хватается за пояс – ножа нет. Лас распорядился не брать оружие.

Задыхаясь от убийственного аромата кайю, Йорга падает на колени, ползёт, цепляясь за листья-перья, и вдруг видит просвет. Она через силу поднимается, разнимает учеников и толкает между стволов. Сама выплзает последней.

– Аумал, не дождусь! – Лас подхватывает её на руки, несёт к костру. Там сидят другие, ошалело смотрят на порванную одежду, ощущивают заплывшие синяками лица, приходят в себя.

Учитель бережно укладывает Йоргу на плац. Она чувствует прикосновение тёплых рук, мокрый нос Теня. Йорга счастлива. В глазах Ласа – уважение... и ещё что-то новое, знакомое...

В суматохе падает с пояса наставника перо, приземляется у костра. Умный Тень оттаскивает его, но поздно – в оперении прогорела дыра. Лас улыбается и прячет перо под рубашку. Наклоняется и тихо говорит:

– Останется на память!

Зачем на память? Йорга не понимает. Вот она здесь, рядом, живая, она не хочет, чтобы её помнили когда-нибудь потом. Она хочет, чтобы Лас был с ней сейчас!

Ученики понемногу успокаиваются, засыпают. Лас обработал раны бедолаг настоями, обошлось без смертей. «Это ты, Йорга, ты спасла их!» – шепчет Лас на ухо.

Он подсаживается к девушке, обнимает. От Ласа пахнет дымом костра и туманом. У наставника в руке её нож, он легко играет им, подбрасывает, не замахиваясь, метает в дерево.

– Обманывал меня, – посмеивается Йорга. – А я и правда верила, что не можешь попасть в тот треклятый мешок.

– Не мог, – Лас прячет в бороде улыбку. – Но ты была хорошей наставницей.

Йорга фыркает. Теперь-то она понимает: ловчий поддавался, желая подбодрить её, показать, что даже она, площадная фиглярка, чего-то стоит.

Тень дёргает во сне лапами и тихо поскуливает...

Лас ещё крепче прижимает Йоргу к себе, и ей кажется, что они единое существо: четырёхрукое и четырёхногое, только сердце одно на двоих...

Небо выкатывает из-за деревьев пылающий шар, и сумерки сгорают дотла.

Стену вздыбило волной, поперёк комнаты рухнула потолочная балка – Йорга едва успела отпрыгнуть. Тень выскочил вперед, очерился, защищая хозяйку от невидимой опасности. Девушка снова глянула на перо. Неужели настоятель отравил Ласа? Но зачем? Наставник был лучшим ловчим. Да и погнб Лас не от яда, а под крылом Ёля. Но тогда почему метаморфозы не изуродовали его тело? Ох, Светлый Канук, где искать ответы?..

Йорга огляделась, прислушалась к гулу за стенами. Заткнула перо за пояс.

– Тень, бежим!

Лестница на первый этаж была полностью разрушена, сквозь брешы в стенах хлестали струи воды. Йорга отыскала на кухне верёвку, привязала к массивному трапезному столу. Подхватив Теня на руки, она соскользнула вниз.

Стены просели, и дверка погребка никак не поддавалась. Но башню снова тряхнуло, из кладки вылетел камень и вышиб доски – в двери образовался просвет. В крошечной тьме Йорга спустилась по волглой лестнице. Миновав бочки с остатками съестных припасов, она добралась до старой утвари и только здесь перевела дух.

В погребе было спокойно, только поскрипывали доски потолка, да зловеще завывал ветер. Йорга достала из скобы факел, чиркнула кресалом. Всполох огня выхватил пару привалившихся к стене тюков, настороженного Теня.

– Я знаю, ты всё понимаешь. – Йорга опустилась на колени, погладила пса. – Пережди здесь, пожа-луйста. Хоть ты должен выжить!

Пёс сделал вид, что не слышит хозяйку, и принялся деловито обнюхивать тюки. Она попятилась к выходу. Тень залаял, ухватился зубами за полы плаща, потянул назад.

На этот раз Йорга была внимательнее. Может, пёс ведёт её на запах Ласа? Девушка отгащила тюк, надрезала мешковину – побитые молью плащи, прохудившиеся башмаки – ничего интересного... Хотя... В стене за тюком зияла брешь! Неплотно пригнанный камень вывалился, открывая... Тайник? Йорга запустила туда руку, вынула свитки. Похоже на недавние летописи – наверное, их обронили в спешке сборов!

Она прочитала:

«Деяния месяца первых трав...

О, великий Ёль, пророчество исполнится, и ты падёшь! Самый слабый ловчий стал самым сильным! В полную луну месяца гроз женщина Йорга перейдёт последний рубеж и сразится с тобой...».

Нет! Самый сильный ловчий – её наставник! Она всего лишь женщина, которая жаждет отомстить Ёлю. И что значит – последний рубеж? Полная луна месяца гроз... Именно тогда погиб Лас!

Она торопливо выхватила второй свиток:

«Деяния месяца гроз...

...О, Светлый Канук, наш брат Лас готов отдаться на твою милость... Он принял яд и его тело умящено ядом, благослови же его путь! Ёль ворует жизни одну за другой, мы не можем больше ждать... Ловчий Йорга отправится за своим возлюбленным...».

Строчки поплыли перед глазами. Что всё это значит? Ловчие убили Ласа, чтобы она захотела отомстить Ёлю?! Настоятель не мог так поступить!

Йорга осела на пол, опустошённая, безразличная ко всему. И через бесконечно долгое время, когда она снова смогла думать, вдруг поняла: мог! Ради того, чтобы спасти других. Йорга горько усмехнулась. Ове всё точно рассчитал: пока Лас был рядом, она не стала бы готовиться всерьёз к сражению с Ёлем.

Погреб задрожал, посыпались ступеньки.

Что ж, пора! Ловчие хотели сражения, они его получат!

– Я тоже предатель. Прости! – Йорга потрепала Теня по загривку.

Пёс не сдвинулся с места, не издал ни звука. Не оглядываясь, она пошла к ступенькам.

Месиво из обломков досок, крошки камня, разбросанной утвари ничем не напоминало величественную трапезную башни. Йорга с трудом забралась на второй этаж и сейчас карабкалась по лестнице вверх. Кое-где в пролётах зияли брешы – девушка зажимала нож в зубах и подтягивалась на руках. Через плечо на всякий случай был перекинут моток верёвки.

Горечь предательства, боль потери Йорга будет переживать и оплакивать потом – когда Ёль сдохнет. Или не будет вовсе, если погибнет сама. А сейчас нужны силы, чтобы добраться до террасы: она не имеет права опоздать на поединок – самый важный в её жизни.

Глухой стук в дверь. Йорга подскакивает на кровати, хватается за нож. По ночам с добрыми новостями не приходят.

Дверь скрипит, на пороге появляется Лас. Наставник непривычно серьёзен.

– Я отдал тебе всё, что имел... Йорга, ты превзошла меня.

Неделю назад она расшифровала древний манускрипт, над которым братство билось долгие годы. А сегодня вывела из Воронова леса заблудившихся ловчих. Все в здравом уме, без единой царапины. Никто из братьев не умеет искать в лесу. Разве что Лас. И то – не задерживается дольше, чем на день. Она продержалась три. Но разве это что-нибудь значит?

— Лас, не говори так. Ты лучший ловчий! Всегда лучший!

Наставник садится на кровать, берёт за руку.

— Йорги, милая Йорги, нет ничего скоротечнее, чем это «всегда».

В словах Ласа сквозит обречённость, она не хочет с ним мириться. Но и противиться не может.

— Не оставляй меня, — Йорга срыгается на хрип.

— Мои сердце и воля принадлежат братству. Должны принадлежать... — Лас смотрит на неё, теперь открыто, не таясь, и Йоргу бросает в жар. — Но сейчас я пришёл к тебе. Давным-давно на площади Скилле я встретил девочку, которой служил все эти годы. И ей я тоже не могу изменить. Я разрываюсь...

О чём он говорит? Почему всё так сложно?

Йорга гладит заросшую щетиной щеку. Он перехватывает её руку, целует тыльную сторону ладони, притягивает девушку к себе. Сердце наставника бешено колотится, и Йорга вспоминает, как, спасая, прижимала к груди беспомощного щенка...

Лас уходит на рассвете. Йорга перебирает ощущения вчерашней ночи как драгоценные бусины: прикосновение шершавых пальцев, мягкая прядь волос на её щеке, овечье одеяло сброшено на пол, жар выжигает их изнутри. Нет Йорги, нет Ласа, у них одно на двоих тело и снова одно сердце...

Она не хочет думать о Ёле и о том, что ждёт их. Сегодня она будет думать о Ласе... О них...

Одолев мастерские, Йорга заметила, что на руках, на месте ранок, стали пробиваться ростки перьев. Тело ломало, как при лихорадке.

Метаморфозы начались. Надо спешить, но спешить не получалось. Руки, казалось, удлинились, под ногтями саднило. Дыхание перехватило, и Йорга почувствовала острую боль, из глаз брызнули слёзы — это на месте носа стал пробиваться клюв... Она стиснула зубы и принялась карабкаться дальше.

В кокон боли, различая лишь очертания предметов, девушка кое-как выбралась на чердак. Цепляя отросшими перьями венчики трав, выползла на террасу. В лицо ударил ветер с дождём, но Йорга не стала прятаться. Ей нужен всего-то миг: прицелиться и метнуть нож.

Легко сказать. Глаза затянуло плёнкой, и теперь Йорга различала лишь размытый крылатый силуэт, парящий в грозном небе... Нет, так не пойдёт, ей нужно видеть цель. Лас должен быть отомщён!

И девушка вспомнила Воронов лес. Ведь не глазами она искала просветы между стволами кайю, она чувствовала их. Видела нить и шла за ней. Йорга представила огромную птицу: немигающий пустой глаз, загнутый книзу красноватый клюв, хищно поджатые когти, капли дождя на смоляных перьях. И сердце — вот оно, глухо бьётся в предвкушении встречи с её ножом. Она мысленно провела нить от руки к Ёлю. Слишком высоко. Надо ждать.

Пальцы слабели, птичьи когти, её когти, царапали ладонь, мешали держать нож...

Небо загустело, крыло ударило по плечу.

Йорга собрала остатки сил, замахнулась и метнула нож по скользящей нити — прямо в сердце Ёлю.

Пространство расколол насадный крик, и Йорга без сознания повалилась на камни.

Он ловит поток ветра и, расправив крылья, зависает над башней. Внизу доживает последние мгновения остов прежней тюрьмы. И, спрятанный под грудой обломков, томится его вестник и поводырь.

Ворон наслаждается полётом и свободой, ветер треплет перья, и он впитывает силу стихии, наполняется ею. Новый порыв — нож царапает грудь. Глупая женщина Йорга хочет убить Ёля! Он хрипло каркает, встряхивает крылья, и на землю падает вязкая тень.

Теперь можно не прятаться в человеческом теле женщины. Не ждать, пока она окрепнет, чтобы отдать Ёлю силы. Не туманить её память. Его час пришёл!

Оставив позади башню, Ёль устремляется к окраинам города. Летит и сбрасывает с крыльев людские беды — всю долгую прошлую эпоху он собирал и хранил их меж своих перьев, пока брат Канук дарил благоденствие и отворачивал от смертных скорби.

Ворон кружит над Торном, оглядывая окрестности. Что он ищет здесь? Под его крылом весь мир! Но голос глупой женщины Йорги не отпускает. Ещё вчера они делили одно тело, но сегодня есть он и только он! Йорга не понимает этого, она гонит его к окраинам, и он простирает крылья над кучкой людей, спрятавшихся в лесу. Они называют себя ловчими и думают, что могут уничтожить его. Глухие люди — такие же, как Йорга. Но глупее всех ловчий Лас. Он хотел обмануть Ёля! Ворон надрыгается в хриплом карканье.

«Лас, я знал, что ты притворялся. Это Йорга думала иначе!».

Йорга плачет. Упрямая Йорга не хочет уходить. И он впитывает её неверие, обиду, стыд, злость — они оседают на крыльях, собираются едкими каплями, и он сбрасывает их на крыши домов. Те прожигают насквозь.

«Как же так, — говорит Йорга, — Лас не обманывал меня, он погиб, погиб!».

«Нет, – говорит Ёль, – твой возлюбленный был лучшим ловчим, разве мог его отравить яд паты? Он предал тебя, Йорга, предал ради меня, ради братства, ради того, чтобы остаться лучшим! Ты глупая, глупая женщина!».

Чёрный туман густеет, Ёль всё шире расправляет крылья.

«Я уничтожу всех, – говорит Йорга. – Выверну наизнанку их лживое нутро!».

«Как на площади Скилле, когда первый раз дала мне волю?» – спрашивает Ёль.

Йорга молчит.

«И тогда ты уйдёшь?».

«Тогда я уйду», – соглашается Йорга.

Ворон кружит над городом всё быстрее, растёт веретено урагана. На окраинах грязными клочьями оседает туман. Рушатся дома и дворцы, корчатся люди, их тела покрываются стружьями. Ёль чувствует решимость Йорги, его полёт становится всё стремительнее... И вдруг натывается на преграду.

Он видит ловчего глазами Йорги. Лас бежит к башне, выкрикивает её имя, имя глупой женщины. И Йорга приказывает Ворону остановиться. Крылья тяжелеют, ураган затихает. Ворон парит над Ласом, ждёт. В Йорге борются любовь и обида. И пока обида пересиливает, под перьями Ворона собирается туман, и Ёль стряхивает его – на Ласа, на ловчих, на весь мир.

«Я не могу...», – говорит Йорга.

«Я помогу, – уговаривает Ворон. – Закрой глаза и я сделаю всё за тебя. Ты забудешь...».

«Нет! – кричит Йорга, – не смей! Пусть он живёт, слышишь!».

Ворон каркает, взмывает ввысь, пытаясь освободиться от назойливого голоса. Но его крылья сдавливают петля, и, пойманный невидимой сетью, Ёль несётся вниз – на остов своей бывшей тюрьмы – башни.

Глупая, глупая женщина, эта Йорга...

Она очнулась от собственного стога. Пошевелила рукой, поднесла её к глазам. Рука как рука – ни перьев, ни когтей. Только ныло в груди, как от застарелой раны. Йорга с трудом села, облокотилась спиной о перила.

По небу расплзались ошметки грозowych туч, и ветер неистово гнал их прочь от Торна.

Девушка огляделась: каким-то чудом левое крыло башни уцелело, а на шпиле, будто насаженная на вертел, издыхла огромная птица. Вороновы глаза затянулись пленкой, клюв открылся в беззвучном крике.

Глупая, глупая женщина Йорга – так её звал Ёль. Или она сама себя так назвала?

Йорга осторожно поднялась, сделала пару шагов по террасе, размяла ноги и принялась спускаться. Долго возилась с веревками, отмеряя каждое движение, каждый шаг...

Прошло немало времени, прежде чем она смогла разгрести заваленный камнями вход в погреб. Из последних сил потянула на себя дверь – Тень высочил навстречу, звонко заяаял, облизал с ног до головы.

– Я вернулась, Тень, – прошептала Йорга и расплакалась.

За ночь деревья кайю облетели, листья пожухли и теперь хрустели под сапогами. Скрюченные голые ветки, будто стариковские пальцы, тянулись к Йорге. И никак не дотягивались.

Улицы были полны народа. Мужчины разбирали завалы. Стонали раненые, рыдали над трупами женщины, к их юбкам жались молчаливые дети. На дороге выстроилась очередь из телег и карет – уцелевшие горожане спешили покинуть Торн.

Холодок пробежал по спине. Это всё сделала она...

– Мир! Наместники заключили мир!

Йорга привстала на цыпочки, стараясь разглядеть говорившего.

Сквозь толпу суетящихся горожан со стороны ворот протискивался гонец, взмыленный конь под ним хралел, парень едва не валился из седла, но крепко сжимал в руках древко со стягом – белая птица на лом фоне. Посланник южных земель, догадалась Йорга. Что ж, легенды не врал, эпоха Канука стремительно вступала в свои права.

– Йорги!

Ловчий нагнал её на подходе к городским воротам.

– Наконец я нашёл тебя!

Лас крепко обнял Йоргу. Прядь волос на щеке. Жар изнутри.

Девушка отстранилась.

– Лас, я была той птицей. Часть меня так и осталась на шпиле.

– Йорги, ты победительница, герой!

– Я чуть не убила вас, весь город... – голос Йорги дрогнул.

– Пойми, никто не знал наверняка, чем всё обернётся. Мы хотели остановить Ёля и верил, что поступаем правильно... – Лас нахмурился.

– Хотели остановить Ёля, – повторила Йорга, – но всё это время учили меня быть беспощадной. Вы, вы сами дали ему силу!

– Йорги! – в посветлевших глазах Ласа блеснули слёзы, он жжал руку девушки. – Прости, я должен был тебя предупредить о плане братьев, но тогда...

– Тогда бы я не затеяла эту битву, тогда бы я не вспомнила, как убивала, тогда бы продолжали гибнуть под крылом Ёля люди...

Йорга осеклась, отвернулась.

– Ты нужна братству, предстоит столько работы...

– А тебе, Лас? Я нужна тебе?

Наставник выдержал её взгляд, но так и не ответил.

Йорга махнула рукой на прощание и вышла на дорогу. Впереди уже трусил Тень, виляя хвостом, то и дело оглядываясь на хозяйку. Тень-вестник, пробудивший душу Ёля, может, теперь ты сможешь найти свою?

Девушка последний раз оглянулась, солнечный блик отразился от алебард стражников. Она отдала этому городу всё, что имела. Её карманы пусты. И сердце – тоже.

Но будет новый город и, может, новая жизнь. Йорге очень хотелось в это верить.

ЗВЁЗДЫ ЗА СПИНОЙ ЮНЫ

рассказ

– Она мертва, Юна!

Кайл фыркнул, резко встал, громыхнула тяжёлая скамья. Упала корзинка, красным и синим языками выплеснулись на пол шали.

Юна промолчала, лишь плотнее прижала ладонь к маленькому тельцу кошолопки. Хижина наполнилась душным ожиданием.

Пламя свечи дрожало, отбрасывая пьяные всполохи на выскобленный стол, развешанные под потолком венички пряных трав, печь в углу, трушник кошолопки на коврик у печи и склонившуюся над ним Юну.

– Почему ты не можешь оставить всё, как есть?

– А тебе не жаль, когда что-то гибнет? – Юна подняла на Кайла удивлённые глаза, – ведь именно твой сапог лишил её жизни.

Кайл виновато опустил голову. Он случайно наступил на зверька – тот бросился под ноги перед самым крыльцом. Кайл нёс Юне подарки: плетёную корзинку, шали с пёстрыми узорами, сласти. Он предвкушал радость Юны и был невероятно горд собой – распродал на рынке весь улов из подземного пруда и выручил ни много ни мало пять серебряных монет! Конечно же, Кайл не смотрел вниз – разве люди глядят под ноги, когда счастливы? Глупец! Почему он думал, что Юна обрадуется подаркам? Или вообще их заметит?

Он подобрал тельце кошолопки, хотел похоронить, но Юна не позволила. Она никогда не давала событиям просто случаться. У девушки было своё мнение об этом мире, и оно часто шло вразрез с естественным ходом вещей...

Раздался писк, Кайл подошёл ближе, заглянул за плечо Юны – мохнатое тельце зверька судорожно дёрнулось, угольки глаз испуганно смотрели на него. Кайл снова почувствовал укол вины. Нет, он не хотел смерти кошолопки. Но страстно желал, чтобы хоть раз фокус Юны не удался. И злился, когда у неё получалось снова и снова.

Это неправильно, так не должно быть! Зачем рушить разумный мир и создавать хаос ради одного зверька? Нельзя что-то вытащить из ниоткуда или отправить в никуда! Он видел, что делает девушка, но не верил её трюкам. И своим глазам.

Между ним и Юной зияла пропасть, а Кайл мечтал о близости.

Девушка бережно взяла кошолопку на руки, открыла дверь, выпустила зверька в темноту.

– Видишь, всё хорошо! – она повисла у него на шее, чмокнула в щёку.

Как бы не так! Кайл вдохнул Юнин запах – аромат весны и сирени, вздрогнул, тёплая волна прошла по телу. Он отдёрнул руки, отстранился.

Юна отступила на шаг. Тёмно-каштановые со светлыми русыми прядями волосы разметались по плечам крыльями дикой тарлан, а сквозь распахнутые глаза смотрел на Кайла незнакомый мир. Наполненный изумрудом весенней листвы. Естественный и до жути пугающий.

Вдруг стало нечем дышать. Так бывало всегда, стоило девушке хоть мизинцем дотронуться Кайла. Её волшебство делало с ним странные вещи.

Он схватил с крючка у выхода плащ, и, не поднимая глаз на Юну, нырнул в ночь вслед за воскресшей кошолопкой.

Кайл направился было к амбару, но передумал.

Амбар вёл в чопорный парк с идеальными прямоугольниками клумб и хрустальным фонтаном. Парк вполне мог быть королевским, но королей там не водилось. И других людей тоже. Лишь они иногда гуляли с Юной. И неважно, что по пути к выспренным аллеям приходилось переступать через огородную утварь, старые мешки из-под зерна, щепки поленьев – Юна утверждала, что выход в парк открывается только через заднюю стенку амбара, и Кайл не спорил.

Он вздохнул. Без Юны бродить по пустым аллеям тошно.

Он нашёл лестницу возле поленицы, прислонил к соломенной крыше. И не спеша начал подниматься. Знал – чтобы всё получилось, надо поймать ритм, нельзя торопиться, но и медлить не стоит. Кайл посмотрел вниз: полная луна огромным фонарём высвечивала хижину, амбар справа, притулившуюся к нему поленицу, колодец с подземным прудом на дне, огородик за хижинкой, жутковатое пугало. С каждой ступенькой картинка уменьшалась вдвое, пока не исчезла из виду совсем. Ещё одна придумка Юны – лестница, сколоченная из чёрной древесины су-бата – соединяла их нехитрое жилище с бесконечными просторами полей.

Кайл вскарабкался по склону неглубокого оврага, ухватился за пучок колосьев и оказался на поле. Сюда ночь пока не добралась – последние лучи солнца гладили колоски, поджигали их изнутри янтарём. А может, ночи и вовсе не было в этих краях. Во всяком случае, Кайл её ни разу не застал. Хоть и навевался сюда часто – расставлял силки на тарлай, что гнездились в редком леске за полями. Мясо птицы было нежным и вкусным, а разноцветные, отливающие перламутром клювы и когти на рынке сразу разбирали на украшения. Юна настрого запретила убивать здоровых молодых тарлай – силки ставились в траве на земле, куда опускались ослабленные птицы...

Кайл шёл через поле напрямик, сминая колосья, не выбирая протоптанных тропинок.

Сейчас он проверит силки, освежит птицу, отделит клювы – это займёт руки и мысли. И он не будет думать о Юне. И о том, как хочется её поцеловать. И что он ей не пара. И что между ними пропасть. Закончит работу только к утру. По крайней мере, в их хижине будет утро. Он пойдёт на рынок и продаст тушки тарлай так же быстро, как выловленных в озере марун сегодня. Дары из придуманных Юной земель всегда идут нарасхват. Он принесёт домой пять, а то и семь монет, и не будет знать, что с ними делать. Кайл бы купил на эти деньги новую душу, которая могла бы понять Юну, но души на рынке не продаются...

Они встретились две луны назад. Первое, что Кайл увидел, когда очнулся, было озабоченное лицо странной девушки. Слишком большой рот, слишком широко расставленные глаза, вздёрнутый нелепый нос, тёмные вперемешку со светлыми пряди волос. Но стоило девушке улыбнуться, и захватило дух – как она красива! И сразу пришло волнение другого толка: Кайл забыл, кто он. Из чаши с водой смотрел незнакомый угрюмый мужчина с проседью в ореховых кудрявых волосах. Прошлой жизни как не было, осталось лишь имя.

Вспоминалось поле – Юна тащила Кайла сквозь колосья. Потом – хижина и пряные отвары, которые вливали силы в ослабевшее тело. Девушка уходила на день, а он вздрагивал, когда слышал малейший скрип – всё ждал, вот Юна откроет калитку, вот войдёт в дверь. Кайл влюбился раньше, чем стал на ноги. И понял, что его сердце разбито, прежде, чем Юна показала колодец и подземное озеро. Это была первая прогулка в её сумасшедшие неправильные миры.

Они долго спускались по выступавшим из камня петлям корней; ползники, облепившие стены колодца, слабо мерцали, не давая погрузиться в темноту. Каменная кладка постепенно сменялась тутим переплетением корневищ.

Юна легко прыгнула в то, что казалось водой, но было лишь дымкой тумана. Кайл – следом. Они приземлились перед знакомой хижинкой. Только здесь из окон росла буйная зелень, уходя корнями вверх. Причудливо сплетаясь, корни занимали всё небо, оставляя мерцающий призрачным светом кружок – дно колодца.

Там, где наверху стоял колодец, внизу было озеро. В нём слабо плескались маруны. Кайл протянул руку, без труда поймал рыбу. Но под взглядом Юны выпустил в пруд. Она не любила, когда кому-то причиняют боль. Может, потому что сама придумала этот колодец, и пруд, и рыб... Кайл не нарушал её правило – ловил марунов раз в луну, когда те всплывали умирать после нереста.

И таких мест рядом с хижинкой была уйма. За поленицей открывался вход в сосновый лес с гладью моря вдалеке. Каморка погреба выводила в мрачный лабиринт с невидимым рыкающим зверем. Чердак служил дверью в перевернутую башню, повисшую высоко в облаках.

Юна звала за собой, но Кайл редко соглашался на путешествия, чаще отсиживался дома, а если и выбирался, то поохотиться. Девушка расстраивалась и днями молчала. Но Кайл ничего не мог поделать – он не хотел гулять по абсурдным мирам, и если б умел, закрыл бы навсегда не к месту открывшиеся входы и выходы.

Однажды, когда Юна обернулась попрощаться, он заметил за её спиной светящиеся шары, и лишь потом понял, что неимоверно близко увидел звёзды! Юна шагнула за край, а Кайлу тогда показалось, что девушка упала в пропасть, и ничто её не спасёт. Ту пропасть, что он ненавидел. Которая разделяла их.

Хижина Юны стояла на отшибе. В деревне девушку не любили, кричали вслед проклятья, лили под ноги помои – однако близко не подходили – чуляли чужака и боялись. Кайл неизменно вышагивал рядом с Юной и гадал, когда ему придётся взять в руки палку и начать отгонять разъярённую толпу.

Но нет-нет и беда загоняла соседей в Юнину хижину. Кайл видел, как девушка сжималась при виде гостей и каким резким становился её взгляд, но она ни разу не отказала в помощи. Будь то неурожай, по-иски пропавшего ребёнка, сильная хворь. Кайл не мог этого понять и злился пуще прежнего...

Он миновал поля, вошёл в редкий лесок и направился к местам, где расставил силки.

Кайл осматривал одну петлю за другой – всё нетронуто. Он задрал голову, прислушался. Ни шороха от взмаха крыла, ни чёрно-белых птиц в небе. Лес был пуст, тарлаи исчезли.

Обескураженный Кайл добрался до конца просеки, свернул на тропинку в обход леска. За ним следом плелась тишина. Стоит ли искать объяснение ещё одной странности и без того чудных Юниных миров?

Кайл сглотнул, навалилась тяжесть.

Он опасливо огляделся. Никогда раньше не заходил дальше леска – не было надобности. Но за леском тянулись такие же пшеничные поля, вдалеке торчал одинокий холм.

Расстроенный неудачей с тарлаями, Кайл не спешил возвращаться к Юне. Надо немного успокоиться. Он вздохнул и направился к холму.

Путь оказался неблизким. Поля всё не заканчивались, от размеренной ходьбы клонило в сон, ноги заплетались – так было, пока он не заметил дом на вершине холма. Небольшой аккуратный домик с низким забором и соломенной крышей очень походил на Юнину хижину. С каждым шагом Кайл узнавал всё больше мелочей. Луну назад он перестилал прохудившуюся крышу – справа виднелась полоска светлой соломы. Слева торчало пугало, Кайл никак не мог решить, кого оно отпугивает больше – ворон или людей. Пугало напоминало остановленного в движении человека и выглядело жутко. У соломенной крыши лестница. Именно так Кайл её выставил часа два назад...

Он топтался у порога, не решаясь войти в дом. Хотелось повернуть обратно и навсегда забыть о двоящейся хижине. Но нет, он узнает правду! Кайл хмыкнул: с каких это пор он стал любознательным? И вдруг понял: в прошлой забытой жизни так было всегда.

Наконец он толкнул дверь. Всё выглядело знакомо, но тут не было Юны, и Кайл пока не мог понять, хорошо это или плохо. Дерево стен казалось темнее, старее, скамьи и стол – тоже потемневшие, давно не скобленные, печь стояла в другом углу. Крышка сундука откинута. Кто-то уходил в спешке?

Кайл подошёл ближе, с интересом заглянул вовнутрь. Вместо Юниных платьев и пары его рубаш в сундуке лежал камзол из дорогой чёрной ткани с позолоченной оторочкой и нашивкой на груди в виде звезды. Кайл погладил звезду – по ободу были вышиты буквы. И даже не пытаясь разобрать надпись, он и так понял, что прочитает: «Королевское научное общество».

Память вернулась болезненной вспышкой.

Он выпустил из рук камзол, вышел во двор. Солнце и не думало садиться. Порыв ветра качнул руку пугала – тряпичный человек будто поздоровался с Кайлом. Тот кивнул, опустился на землю рядом с поленицей. Спина упёрлась в полукружья шершавых стволов.

Кайл идёт за ней по лесной просеке.

Голова гудит после утренней работы – он провёл оптические эксперименты и пришёл к любопытным выводам. Нужен час на прогулку и отдых, потом он повторит эксперимент и сделает записи. За это лето в деревне он закончит манускрипт по естествознанию и с чистой совестью вернётся в город – к интригам общества и студиям.

Но девушка впереди не даёт расслабиться. Её волосы ахроматичны – крупные тёмные пряди чередуются с выгоревшими русыми, точно клавиши органа. Хотя сегодня он кое-что понял про белый цвет, и это делает волосы девушки вершиной гармонии и наполненности.

Она оглядывается и исчезает. Озадаченный Кайл остаётся один посреди просеки...

Он держит в руке призму, свет проходит насквозь, распадается на разноцветные лучи. Амфитеатр полон студийцев, они сидят, зажав дыхание, пытаются осмыслить увиденное. Одинокие хлопки взрывают зал.

Кайл поворачивается – девушка с чёрно-белыми волосами встаёт из-за скамьи и улыбается ему. Кайл смущён и почему-то раздражён...

Через год он возвращается в деревню, всё время посвящает работе, делая передышки на сон, приём пищи и короткие прогулки. И на улице снова видит ту девушку – её хватает за руку парень в мятой коричневой шляпе, тянет в глухой

переулок. Кайл не умеет драться, но он расправляет плечи и спешит на выручку. Однако девушка обходится без его помощи – толкает парня в грудь, тот неловко падает и проваливается сквозь пыль деревянной улочки.

Кайл замирает на полдороги, не зная, стоит ли верить увиденному. Так не бывает! У природы строгие законы, он посвятил всю жизнь их изучению. Ничего не принимал на веру, всё доказывал опытами! Предметы и люди не появляются из ниоткуда и не уходят в никуда от одного касания руки. У тел есть инерция, и чтобы началось движение, нужна сила! А сила действия равна силе противодействия. Но девушке с чёрно-белыми волосами это не важно.

Он должен её найти! Хотя бы для того, чтобы увериться – то был лишь фокус...

Он жаждет новой встречи, гуляет дольше обычного и натывается на девушку в неожиданном месте – среди рыночных лавок. Она сидит на корточках и успокаивает плачущего мальчугана лет пяти. Мальчик не унимается, и тогда девушка вытаскивает один за другим леденцы из рукава. Ребёнок всхлипывает, тянет руку за сладостями. Но леденцу перехватывает Кайл:

– Как ты это делаешь? – он сверлит глазами девушку, – в чём секрет?

Ребёнок, не получив угощения, снова заходится плачем.

– Его надо успокоить, поэтому я это и делаю, – она пожимает плечами, вытаскивает из-за спины мальчика новый леденец и сует в детскую ладошку.

– Я не спрашиваю «почему», я спрашиваю «как»?

В эту минуту Кайл уверен, что ненавидит девушку. Она разрушает его мир!

– Не знаю.

Девушка снова пожимает плечами. Поднимается с колен, отряхивает платье.

– Хочешь, покажу?

Кайл качает головой. Он достаточно видел, он ждёт объяснений.

– Не бойся, – говорит девушка, – это всё равно, что сделать из одного прозрачного луча много разноцветных.

Конечно же, он не боится. Но...

Девушка гладит воздух, будто перебирает отрезки тканей в лавке. А потом вдруг находит нужный и отводит руку, открывая несуществующую шторму. Кайл видит за её спиной ночное небо и светящиеся шары звёзд – слишком близкие, чтобы быть настоящими.

Он смеётся, он понял фокус. Это лишь искусное полотно, ловко спрятанное до поры до времени в длинном рукаве платья. Кайл шагает вперёд, желая схватить полотно, и проваливается в бездну...

Он тяжело поднялся, снял с огородного чучела коричневую шляпу, нахлобучил на голову.

Интересно, подумал Кайл, почему Юна его ни разу не превратила в пугало?

Тишина угнетала. Без привычного клёкота тарлай становилось жутко.

Кайл возвращался той же дорогой и не узнавал её. Пшеница выпцвела, посерела, стебли пригнулись к земле. Почва на глазах высыхала, шла трещинами, низкорослые деревья раскальвались надвое, словно под ударами гиганта-дровосека, обычно чистое небо заволакивало тучами цвета сажи.

Он ускорил шаг.

Любому действию всегда есть равное противодействие, напомнил себе Кайл. Когда-то он с пеной у рта доказывал этот постулат профессорам старой школы, а столкнувшись с необъяснимым, предпочёл забыть всё. Жизнь. Науку. Себя.

Кайл задохнулся пониманием, побежал. Баланс сил не может быть нарушен, если этот мир умирает, значит, дрогнула вся ось.

С Юной случилась беда!

Перепрыгивая через трещины, уворачиваясь от падающих деревьев, помятый крупным градом, Кайл добежал до оврага. Даже не пытаясь отыскать тропинку, кубарем скатился на дно, ухватился за шершавую перекладину лестницы и, ломая ногти, заскользил вниз...

Брезжил рассвет. Хижину Юны плотным кольцом окружала толпа. Кто держал на изготовку вилы, кто – мотыги, кто мял в руках верёвки. Женщины, мужчины, дети кричали, улюлюкали, скалились. В глазах – страх и ненависть. Парень впереди победоносно потрясал палкой с заточенным концом. Острие было окрашено алым.

Юна сидела, опершись спиной о поленницу, точно как сам Кайл час назад. Глаза закрыты, руки прижаты к боку. Кайл подбежал к Юне, наклонился. Крылья носа девушки чуть вздрогнули, складка на лбу разгладилась.

Он осторожно коснулся её плеча:

– Они скоро будут здесь, нам надо уходить.

Бесполезный, глупый совет.

– Это должно было произойти. Лучше бы ты не возвращался.

Голос Юны стал бесцветным и тихим.

– Юна! – Кайл сорвался на крик. – Ты вытаскила меня из бездны, ты спасла не одного человека, ты оживила какую-то кошолопку, будь она проклята! Открой дверь, и мы уйдём, куда скажешь!

Она слабо улыбнулась.

– В любом мире это повторится. Люди не очень-то меня любят, – Юна махнула в сторону беснующейся толпы. – Да и сил нет, мне и обычной двери не открыть.

Кайл взял её на руки, отнёс в дом. Сел на скамью, крепко прижал девушку к себе. В кои-то веки пропасть между ними сжалась, Юнина душа на миг обнажилась для Кайла.

Сколько у них времени до того, как толпа осмелеет и снесёт старый забор перед хижиной? Четверть часа, меньше?

Сейчас, когда Юна слаба, Кайл должен решать за двоих, как это делала она, вытаскивая его из бездны. Но он не волшебник, он учёный. «А тебе не жаль, когда что-то гибнет?» – вспомнились слова Юны. «Жаль. Очень жаль!» – захлебнулся отчаянием Кайл. Но, проклятые, он не умеет оживать. И до сих пор не верит, что это происходит наяву. Всё кажется – вот-вот проснётся от кошмара в своей кровати.

За дверью раздался победный возглас – это пал забор. Сейчас толпа начнет испытывать на прочность дверь хижины.

Кайл встал, осторожно положил Юну на скамью.

Она умирает, и вслед за ней тают миры, которые она отыскала или придумала сама. Бежать некуда, даже если у него получится открыть дверь...

Но ведь Юна не могла возникнуть из воздуха. И она должна вернуться туда, откуда пришла.

Он коснулся щеки девушки, длинные ресницы дрогнули.

– Юна, где твой дом?

– Помнишь звёзды? Ты ещё подумал, что это холст... Но ты не сможешь...

Кайл не нашёл с ответом.

Куда угодно, только не в бездну! Даже ради Юны. Люди не способны летать между звёздами. Им нужен воздух, движущая сила. То был сон, морок. Он не мог оказаться в звёздном небе и остаться в живых. Кайл просто потерял сознание, сильно ушибся, на время забыл прошлое. Не было никаких звёзд и полётов. Юна – мастер миражей и только.

Он беспокойно зашагал по хижине. Девушка тихонько вздохнула, закрыла глаза. Лицо покрывало мертвенная бледность.

Но кошолопка ожила. Люди выздоравливали. Дети находились. Это тоже мираж? Он сам гулял по её мирам, ловил тарлай, продавал их.

Кайл зажмурился.

Что он делает? Зачем оправдывает свой страх и зависть? Он потратил десятилетия, пытаясь понять природу, её законы. Но лишь узнавал буквы. А Юна игроуچی превращала буквы в новые миры. Нанизывала их на одну ось – саму себя. И если её любили, девушка оживляла королевские парки и волшебные пруды, а чья-то ненависть добавляла в её огород новое пугало и жухлую траву. Сегодня именно его недоверие лишило Юну сил, оставило на растерзание соседей. Действие всегда равнялось противодействию.

Кайл до сих пор не знал наверняка, кто Юна на самом деле. Ворожея, ангел, падшая звезда? Это не имело значения. Он её любит. Любой. Непонятной, далёкой, недостижимой. В конце концов, девушка спасла его, и он будет негодяем, если не отдаст долг.

Кайл осторожно подхватил Юну, стараясь не задеть раненый бок. Закрыл глаза. «Это всё равно, что сделать из одного прозрачного луча много разноцветных» – вспомнилось незатейливое объяснение Юны.

Он представил белый свет над их головами, вспышка ударила по опущенным векам, ослепила. И тогда Кайл начал различать цвета. Альбий, изумрудный, синий – потоки свивались, закручивались, рождали жёлтый одуванчиковый, оранжевый цвет зари, лиловый. С закрытыми глазами он увидел, как зажглись разноцветьем чёрно-белые волосы Юны. Почувствовал, как она вздрогнула, очнувшись.

Треснула под натиском обезумевших соседей дверь. Чья-то палка опустилась на спину Кайлу, и он, не думая и не выбирая более, прыгнул в лиловый поток, как в омут.

Они плыли, обнявшись, между планетами. Бездны больше не было, и Кайл счастливо улыбался.

Скоро Юна уйдёт – открывать миры и спасать тех, кто её ненавидит.

Кайл будет грустить, но он знает, что так надо. Юна не принадлежит никому – как луч света или вновь открытый закон природы. Всё, что он может – понять её и отпустить на волю.

Вдохновением на эту историю я обязана волшебным работам польского художника Яцека Йерка (Jacek Yerka): «Эпитафия» («The Epitaph»), «Под водой» («By The Waters»).